

ВЕХИ РУССКОЙ МЫСЛИ

ОТЕЧЕСТВЕННЫЙ КОНСЕРВАТИЗМ — ВЧЕРА, СЕГОДНЯ, ЗАВТРА

На вопросы "ЗАВТРА" отвечает доктор исторических наук Александр РЕПНИКОВ.

"ЗАВТРА". Александр Витальевич, в нашей стране исторические споры — неперемнная часть общественного диалога, даже идеология порой определяется через отношение к фигурам прошлого. При этом нельзя сказать, что тиражи книг по истории бьют рекорды, скорее наоборот. Более того, некоторую популярность получило сомнение: наука ли история. На ваш профессиональный взгляд, каковы состояния исторического знания и его проекция в обществе?

Александр РЕПНИКОВ. Ещё недавно нам ставили в пример Запад, мол, вы, русские, всё продолжаете спорить о событиях многовековой давности, а в США и Европе прошлое уже оставили в прошлом и замечательно живут сегодняшним днём. Но оказалось, что всё не так. То, что виделось спокойным, даже забочонным, озером с тихой водой обернулось океанским штормом. В Америке начали крушить памятники знакомым фигурам её истории. В Европе активно пересматривается прошлое. Никто ничего не забыл. Вновь взяты на вооружение русофобские клише. Открылись старые раны.

Прошное постоянно живёт с нами. Оно актуально всегда. Мне кажется, это очень важно именно в России. Мы постоянно ощущаем нерв истории. Но одновременно надо помнить, что те или иные события прошлого намеренно актуализируют в определённый момент. Обратите внимание, как много в перестройку писали про Николая II и трагическую гибель его семьи; много писали о жертвах, мучениках и т. д. Как потом всё больше стали писать о Сталине и сильном государстве. Это отдельная тема для разговора.

Наука ли история? Геродот, Ключевский, советские историки, Марк Блок — все эти люди почему-то не сомневались, что есть такая наука — история. Сейчас у нас, конечно, по сравнению с теми временами, сплошной технический прогресс, но почему-то именно теперь возникло сомнение, что история — это наука. Математика, физика, химия — вне подозрений. В отношении филологии такой вопрос не звучит даже в отношении политологии, социологии вроде бы нет сомнений. Почему же именно история "под подозрением"?

Мне кажется, это связано с тем, что сегодня каждый может объявить себя знатоком истории. Вряд ли узнав, например, что твой сосед в поезде — физик, ты заведёшь с ним спор о теории относительности. Но для историка, по моему личному опыту скажу, такой разговор неизбежен. Сказал, что ты историк (а тем более архивист), — и одному хочется поговорить с тобой про Сталина, второму поспорить про Горбачёва, а третий вспоминает вычитанные в "жёлтых газетах" рассказы о пропавших цивилизациях. Это как с медиком. Сказал собеседнику, что ты доктор и разговор пойдёт о медицине. Помните, как в "Знаке четырёх" у Конан Дойла: "Доктор... существует подозрение, что мой митральный клапан не в порядке. Я бы хотел узнать ваше о нём мнение".

Если сказал, что ты — историк, значит: сейчас мы вас порасспрашиваем, поспорим, расскажем какому-нибудь свою теорию, а вы её ещё попоробуйте опровергнуть. С одной стороны, это свидетельство общественного интереса. Не столько к тебе лично, сколько в целом к истории. Но беда в том, что уровень знаний, к сожалению, зачастую низок. Люди начинают излагать как истину совершенно фантастические версии, которые почерпнули в интернете. Или человек начинает вести эти беседу не для того, чтобы узнать что-то новое, а только для того, чтобы высказать своё мнение. Никто никого не слышит. Зачастую уже изначально присутствует не столько желание услышать и понять собеседника, сколько стремление громко прокричать своё и гордо удалиться.

Сейчас в общественном пространстве есть множество интересных тем, новых сведений, расскренных документов, но совершенно нет ощущения интеллектуального роста. Всё словно проваливается в бездонную дыру. На поверхность выбрасываются опровергнутые десятки раз слухи, сплетни, фальшивки и прочее. Ниагра фейков!

Общество надо развивать, и мы не можем говорить об истории, не затрагивая того, как она преподаётся в школе и вузах, как она озвучивается в СМИ.

"В начале жизни школу помню я", и это так. Знаешь, я и многие из тех однокласс, кого спрашивал, до сих пор помнят "Рассказы по истории СССР" для 4-го класса с замечательными цветными иллюстрациями, с рассказами о героях русской истории. Они помят школьный учебник для 8-го класса под редакцией Б.А. Рыбакова. У некоторых моих одноклассников по педагогическому университету увлечение историей началось со школьных учебников. Через учебники закладывалось серьёзное отношение к истории как к науке, а не "развлекаловке", к стране и миру, к своему месту в этом мире; формировалось мировоззрение.

Серьёзный удар был нанесён в перестройку и в девяностые, когда прежняя система образования рушилась. Пошли оди реформы, потом другие, которые исправляли недоработки. Потом дополнительные реформы к реформам, которые исправляли недоработки.

Я сам преподавал в московской школе в 1994–1998 годы, и было видно, что у детей в головах относительно истории наблюдается сумбур. Учебники друг другу противоречили. В одном известного исторического деятеля хвалили. В другом — ругали. В третьем — просто общались, что был такой человек, и пусть ученики сами оценят его деятельность. А потом подросток после уроков выходил на улицу и видел разнообразную реальность "дикого рынка".

Этот период сильно повлиял на отношение к истории как к науке. Без нормальной системы образования (в том числе вузовской, о чём я пишу как многолетний преподаватель высшей школы) мы не получим общество, которое способно адекватно воспринимать и самостоятельно критически анализировать колоссальные объёмы информации, которые на него обрушиваются.

Недавно были утверждены линейки учебников истории, соответствующие историко-культурному стандарту. Их готовили профессиональные авторы и методисты (я выступал там как рецензент). Теперь планируется переход на новый учебник. Вот что по этому поводу сказал министр просвещения РФ Сергей Кравцов, которому заметили по поводу нового учебника, что "к 1 сентября 2023 года он уже должен быть в библиотеках": "Мы направили методические разъяснения о том, как могут переходить на новый учебник. Будет переходный период. Там, где есть возможность, можно взять новый учебник и работать по нему. Где возможности нет, будет даваться время на переход. У нас есть определённый срок пользования учебником, и когда он заканчивается, закупаются новые учебники. То есть можно будет использовать те учебники, которые находятся в

Федеральном перечне учебников" ("Комсомольская правда". 2023, 1–8 марта. С. 11). Переход на единый учебник потребует дополнительного проработки вопроса методического сопровождения для тех учителей, что работают по новому, единому для всей страны комплекту. Есть и другие вопросы. В какой степени новый учебник станет заменой (и станет ли) недавно утверждённой линейки учебников истории? Что при его подготовке будет использовано из этой линейки? Кто будут авторы учебника?

"ЗАВТРА". С другой стороны, сами историки порой склонны закрыться от общества в кругу специалистов.

Александр РЕПНИКОВ. Был хороший демонстратор. Там некий историк говорит собеседнику: — 18 брюмера 1799 года Наполеон проснулся в плохом настроении. Тот спрашивает: — А почему? Что случилось 17-го? — А я не знаю, я десять лет изучаю только 18 брюмера 1799 года...

Согласимся, что такое замыкание не на пользу ни историкам, ни обществу.

Популяризация очень важна, но это невозможно сделать силами энтузиастов. Хорошо, что возродили Общество "Знание", потому что в какой-то момент "Википедия" стала почти монополистом в области общедоступного знания. Понятно, что раньше таким источником была Большая советская энциклопедия, но потом она потеряла свою востребованность в силу ряда причин, к тому же нужно что-то более мобильное, со свежими обновлениями. Есть запрос — надо его быстро удовлетворить. Интернет даёт "Википедию".

Человек голоден, но качественного доступной еды нет. Ему дают яблоко, и на том спасибо. Вот таким яблоком выступила "Википедия". Это ресурс, плюсом которого является возможность оперативно дополнить, дописать, развить статью. Например, про Василия Шульгина там сначала была "убитая" статья, но потрудились энтузиасты, и теперь эта статья очень приличная. Однако многие претензии к "Википедии" хорошо известны и в значительной степени справедливы. А альтернативные проекты типа "Традиции" и прочих перестали развиваться, ушли "в песок". Я очень давно предлагал использовать в качестве альтернативы Большую российскую энциклопедию (БРЭ). Изданы все её тома. Она есть в Интернете. Проблема — неизменяемость статей. И вот новый портал "Знания", который уже помещает дополненные, по сравнению с БРЭ, статьи. И их можно дальше дополнять новой литературой, новыми данными.

Мне кажется, создание полноценной национальной системы просвещения невозможно без альянса государственных структур и профессионалов, энтузиастов, творческих людей, которые любят свою профессию, имеют внутреннюю потребность сохранить прошлое для новых поколений. Одним чиновникам дело не сдвинуть, но и у энтузиастов не хватит "ресурса".

"ЗАВТРА". Одна из ваших главных научных тем — история русского консерватизма. Как вы пришли к этой теме? Что в вашем представлении есть русский консерватизм? Насколько он актуален сегодня?

Александр РЕПНИКОВ. В начале девяностых, когда стали выходить первые книги по консерватизму, несмотря на приличные тиражи они были большой редкостью. Вышла книга работ Константина Леонтьева "Цветущая сложность" с вступительной статьёй Татьяны Глушковой. О ней писали в № 5 газеты "День" в 1992 году: "К читателям России: (обращение по поводу издания кн.: Леонтьев К.Н. Цветущая сложность. Избранные статьи. М., 1992)". В 1992-м была издана маленькая зелёная книжка Константина Леонтьева, выпущенная издательством "Русская книга", которую я нашёл в продаже только в церковной лавке. Репринтную "Монархическую государственность" Льва Тихомирова вообще купил с рук у Музея В.И. Ленина, на легендарной точке распространения патриотической литературы. За "Россией и Европой" Данилевского (тогда её переиздали в сокращении) пришлось буквально охотиться. Наконец, я ходил в библиотеки ("Ленинка", ГПИБ, ГОПБ) и читал дореволюционные издания.

Почему я хотел искать и читать книги консерваторов, а не какое-нибудь "Открытое общество и его враги" Поппера, которое тогда везде лежало. Мне кажется, сработало внутреннее чутьё. Консервативное мировоззрение у меня сформировалось естественным образом, а уже потом я пошёл покупать Леонтьева и нашёл у него то, что отвечало моим собственным мыслям. Дальше это мировоззрение развивалось, подкреплялось, подвергалось корректировкам.

Важно отметить, что русский консерватизм всё-таки отличен от западного и особенно от американского, и лозунг типа "консерваторы всех стран, объединяйтесь" — вряд ли сработает. В основе русского консерватизма сильные два стержня: религиозно-православный и государственно-монархический. Убери фигуру императора или ведущую роль Православной церкви, и каркас консерватизма рухнет; без этих двух основ он растечётся, превратится в цезаризм, вождизм и проч. Собственно, так и произошло в 1917 году, когда история дореволюционного консерватизма закончилась. Можно было, конечно, продолжать интеллектуальные игры в эмиграции на темы: "что нам делать?", "когда мы в Россию вернёмся", но это были пусть и интересные, но отвлечённые от конкретных реалий построения.

Что актуальное можно выделить в русском консерватизме? Прежде всего — это критика либерализма, "европейничанья". Это сильнейшая составляющая разработок консерваторов. Иногда критики у них были через край. Победоносцев, например, в ней был гораздо сильнее, чем в позитивных построениях, и мог мастерски найти в либеральных концепциях несоответствия и несостыковки. Мог заклеймить и высмеять, но, допустим, его спрашивали: "Да, это всё плохо, ужасно, а что же делать?", — и тогда он терпелся. Консерваторы обществу и человеку не доверяли (возможно, и не без оснований), уповали на власть.

Есть интересная история. Встретившись в 1903 году с Д.С. Мережковским, К.П. Победоносцев произнёс фразу: "Да знаете ли вы, что такое Россия? Ледяная пустыня, а по ней ходит лихой человек".

В.В. Розанов передаёт это высказывание иначе, давая свою оценку: "Россия — это бесконечный мир разнообразия, мир бесприютный и терпеливый, совершенно тёмный: а в темноте этой блуждают волки... дикое тёмное поле и среди него гуляет лихой человек..."

— А когда так, — кончил он, — то ничего в России так не нужно, как власть; власть против этого лихого человека, который может наделат бед в нашей темноте и голотёбе пустынной".

И пальцы его (т. е. Победоносцева — А.Р.) огромно сжались, как бы хватая чего-то... — Хватай! Хватайте всё! Иначе всё разбежится и, разбежавшись, убьётся, разобьётся!"

Консерватизм силен как тормоз, но ведь государственная машина не может двигаться без тормозов. Не может быть бесконечной перестройки, ломки всего и вся. Надо понять, что консерватор — это не какой-то старый брюзжащий хрыч, который всё хочет запретить и оградить барьерами. Он мыслящий человек, который своим скепсисом мешает обществу мчаться на всех парах за очередной утопией. Например, утопией постоянного технического прогресса. Леонтьев, который вовсе не был каким-то там "зелёным", предупреждал о негативных последствиях прогресса, когда "однородное буржуазное человечество или задохнётся от рациональной тоски и начнёт принимать искусственные меры к вымиранию, или от неосторожного и смелого обращения с химией и физикой люди, увлечённые оргией изобретений и открытий, сделают, наконец, такую исполнскую физическую ошибку, что и "воздух, как свиток, совется", и "сами они начнут гибнуть тысячами". Согласимся, что его беспокойство более чем оправданно.

Победоносцев подчёркивал, что чрезмерные увлечения либеральными реформами, свободой слова и проч. могут привести к негативным последствиям. Данилевский писал о трагических последствиях "любви" России к Европе и Западу, называя это "европейничанием", то есть обезьянничанием. Были те, кто видел проблему и в чрезмерной любви к славянам. Известный консерватор и русский националист Пётр Ковалевский полагал, что, оказывая постоянную поддержку "братьям-славянам", мы в итоге "добились того, что все эти наши славянские братья смотрели на нас, как на своих обязанных батраков... А Боже храни, если русские не придут на помощь. Тут уже и нет предела издевательствам, брани и помоям по адресу России. И Россия терпит. Это глупо, но верно. Пора этому положить конец".

Я сейчас не буду вдаваться в тонкости мировоззрения, ибо не каждый националист — консерватор, и не каждый консерватор — националист. Конечно, Ковалевский и Михаил Меншиков — русские националисты, но элементы консерватизма у них есть.

Консерваторы в своих текстах призывали к осторожности. Да, иногда они были чрезмерно осторожны. Например, Сергей Шарапов так описал идеальную Россию будущего: "Меня поразило отсутствие автомобилей и велосипедов. И то, и другое давно уже запрещено. Автомобили совсем было упразднили лошадей. Жизнь в городе стала невыносимой до того, что участились помещательские самоубийства. Но что касается велосипедов, то было обнаружено не только увеличение всяких расстройств, но даже одичание среди пользовавшихся ими. Сначала велосипеды были запрещены для женщин, затем изъаты из употребления и вовсе".

Кстати, Леонтьев, например, писал об опасности быстрого развития железных дорог, а потом Меншиков обратил внимание, что там, куда пришла железная дорога из города, пришёл разврат и всё самое плохое. Сейчас, разумеется, никто не станет призывать отменить РЖД и вернуться "к лошади".

Думается, что осторожность консерваторов в создании позитивных проектов ("контуров будущего") была связана ещё с религиозным взглядом. Как православные христиане они не могли верить в идеальное будущее здесь, на земле, ведь наш земной мир уходящего, и всё закончится тем, что люди в своих деяниях будут настолько омерзительны, что примут антихриста, а дальше Армагеддон, Страшный суд, новое небо и новая земля. Консервативные мыслители в конце XIX и начале XX века на глобальные проекты не замахивались, а старались сохранить существующую систему.

Заметьте, что актуальное консервативной темы проявилась в 1990-е годы. Но здесь уже был силен социальный аспект. Это то, что было у консерваторов слабо проработано. И газета "День" родилась как красно-белый синтез. Я начал её покупать с 1992 года. Помню, что там мог быть текст Ивана Солоневича, а рядом красная публицистика о социальной защищённости или о Советской империи, и это не выглядело чем-то странным. В 1993 году в "Дне" была небольшая заметка о Данилевском как предтече Сталина (Орлов А. "Данилевский, советский Сталин". "День", № 32 за 1993 год). Я, когда прочитал, очень удивился, потому что ещё в 1967 году американец Р. Мак-Мастер издал толстенную книгу "Данилевский — русский тоталитарный мыслитель". Там он пишет тоже о преемственности, но как! Автора просто корёжит от одного имени "Данилевский". "Его доктрина была опасной и вредной, типологически схожей с идеями предшественников Сталина и Гитлера". Мак-Мастер ставит Данилевского, Маркса, Герцена, Достоевского, Ленина, Сталина, Гитлера на одну доску. По мнению этого автора, идеи Данилевского ведут "на дорогу к литургии разрушения". Там ещё много в таком же духе: "Подобно Марксу и особенно его большевистским последователям Данилевский нуджался в изначальной жестокости и насильственности процессов в мире". Иностранцы немало глупостей про русский консерватизм написали, даже припили психоанализ, подосование и проч. Вся эта русофобия была уже по СССР.

Русским консерваторам весь этот буржуазный "пластмассовый мир" был чужд. Чуждо это мешанное "царство количества". Блистательный Леонтьев в XIX веке писал: "Я когда думаю о России будущей, то я как непременно условие ставлю появление именно таких мыслителей и вождей, которые сумеют к делу приложить тот род ненависти к этой все-Америке, которую я теперь почти одиноко и в глубине сердца моего бесильно пылаю! Чувство моё пророчит мне, что славянский православный царь возьмёт когда-нибудь в руки социалистическое движение (так, как Константин Византийский взял в руки движение религиозное) и с благословения Церкви учредит социалистическую форму жизни на место буржуазно-либеральной. И будет этот социализм новым и суровым троимкам рабством: общинам, Церкви и Царю. И вся Америка эта... к чёрту!" Сильно!

В конце концов мы пришли к тому, что очень условно получили наименование "национал-большевизм" или "государственный большевизм". Национальная традиция и социальная защищённость. К слову, некоторые консерваторы, монархисты смотрели на большевиков как на силу, способную сохранить Россию. Об этом я написал в книге "Консервативные концепции переустройства России".

На теоретическом уровне были попытки соединить консервативное и социальное. Например, брошюры Тихомирова по рабочему вопросу, работы забытого экономиста Озерова, "зубатовский эксперимент".

Я читал работы славянофилов, но, по мне, их тексты, сколь бы они ни были замечательны, весьма далеки от реалий конца XIX и начала XX века. А такие консерваторы как Леонтьев или Тихомиров понимали, что уже иное время, капитализм пришёл в Россию. Возникали необычные

Копия чудотворной иконы Божией Матери, именуемой «Державная», явленной православному народу в день отречения от престола императора Николая II 2(15) марта 1917 года в селе Коломенском близ Москвы

образы, как, например, образ "социалистического самодержца".

"ЗАВТРА". Если вернуться к сегодняшнему дню, то можно прийти к выводу, что главная идеологическая платформа — это евразийцы плюс консерваторы.

Александр РЕПНИКОВ. Мне кажется, сюда ещё надо добавить национал-большевизм в устряловском духе, хотя сам Устрялов не любил эту дефиницию. Мы подготовили большую антологию "Сменовеховство: pro et contra", где представлены разные направления этого течения. Устрялов из всех, кто там представлен, кажется самым современным. Про евразизм могу сказать, что занимался этой темой, публикаю архивные документы, и его представители тоже интересны.

Если будем говорить только о консерватизме, то это "дерево" при механической пересадке из XIX века на современный почву завянет. Победоносцев и искусственный интеллект, Шарапов и цифровизация. Совместимы ли они? Не уверен. А вот микс идей консерватизма, евразизма и национал-большевизма, возможно, будет работать. Если говорить о том, какие ещё были установки консерваторов, то это: — идея сильного государства; — идея автаркии, самостоятельного развития с опорой на собственные силы; — необходимость прагматичного и, я бы даже сказал, потребительского отношения к Западу (осторожность в отношениях с Западом рекомендовал Данилевский, затем усилил Леонтьев, а евразийцы вообще стали смотреть на Восток); — необходимость прагматичного отношения к славянам, особенно к полякам (тот же Леонтьев считал, что славяне сильно "проевропены" и, несмотря на культурную, религиозную близость, с ними надо вести себя осторожно).

Несомненный тезис консерваторов — сохранение духовных основ в обществе, сбережение национальной культуры. Далее — забота о здоровье нации. Физическом здоровье. О необходимости спорта, физкультуры, гигиены много писал Меншиков. Упоминал о физической подготовке Шульгин. Тихомиров, к слову, писал о необходимости создания при фабриках своего рода санаториев в деревенской местности для рабочих, чтобы они могли восстановить силы на природе.

"ЗАВТРА". То есть, то с, чем консерваторы обычно не ассоциируются, — просвещение, отдых, здоровье. Стереотип исключает подобные интересы...

Александр РЕПНИКОВ. Да, это так. Я не говорю, что консерваторы люди идеальные и написанное ими надо канонизировать. Их изучать надо! Люди жили в конкретных исторических условиях, их взгляды трансформировались (у консерваторов взгляды тоже могут меняться). К слову, Данилевский начинал в кружке Петрашевского, Тихомиров в среде народников. Меншиков в молодости был увлечён леворадикальными идеями, вспоминал, что "был захвачен одно время до страсти". В итоге стал видным публицистом национального направления.

Ещё одна непривычная сильная сторона консерваторов (не всех, конечно) — открытость к чужим взглядам, способность использовать разные идеи.

Тихомиров мог использовать наработки бывших коллег-народников в критике буржуазии, потому что он тоже не симпатизировал буржуазии (есть у него интересный цикл очерков, куда входит работа "Заслуги и ошибки социализма").

Победоносцев использовал антилиберальные тексты Макса Нордда, хотя не симпатизировал этому автору. А теперь представим себе либерала, который использует для доказательства своих идей тексты Победоносцева или Леонтьева (критика его идей либералами может составить отдельный том). Хотя был подобный момент, когда вышли "Беги", и бывшие оппоненты власти вдруг начали оперировать чуть ли не леонтьевскими формулами. А уж когда вчерашние критики Леонтьева оказались в эмиграции, они стали признавать его правоту. Для Бердяева до революции Леонтьев — это

"сатанист" (sic!). А вот когда Бердяев оказывается за границей, пишет комплементарную биографию этого философа и книгу "Философия неравенства", проникнутую леонтьевским духом.

"ЗАВТРА". Проблема Бердяева в том, что у него можно найти всё что угодно...

Александр РЕПНИКОВ. Согласен, но, опять же, отметим, что он здесь уловил веяние времени. Его же не принудили хвалить Леонтьева и писать "Философию неравенства". Консерваторы оказались востребованы на исторических переходах, поэтому неудивительно, что в девяностые годы XX века русское общество обратилось к ним.

"ЗАВТРА". А какие авторы, на ваш взгляд, сегодня требуют издания?

Александр РЕПНИКОВ. Если в 1992 году пришлось искать "Монархическую государственность", то сейчас уже вышло много изданий, и все они доступны. Да, то, что завершили полное собрание сочинений Леонтьева, издали много-томник Каткова и проч., — это здорово. 30 томов Розанова, которые издавались в течение трёх десятилетий (сейчас выходит уже новое издание) — уникальная вещь. Но согласитесь, что к многотомникам всё же будут обращаться специалисты. Необходимы небольшие издания для широкой аудитории. "Варшавский дневник" Леонтьева и его заметки "Сквозь нашу призму" читаются и сейчас с интересом. Он же был писателем и очень образно но без иронии пишет, например, про щуку, в которую ввели проволоку и осветили рыбу изнутри, после чего "щука сделалась совершенно прозрачной". Леонтьеву пишет, что хорошо бы придумать такой же прибор "для освещения многих душ умеренно-либеральных".

Я подготовил текст основной работы Леонтьева "Византизм и славянство" для издательской группы "URSS". Книга вышла, о ней писали в "Завтра". В книге ещё есть отклики современников и небольшие комментарии. Мне думается, что это перспективный формат, но на первой книге всё пока закончилось, хотя для издания была подготовлена и книга Н.П. Аксакова (никогда не переиздавалась); работы Э.Э. Ухтомского и другие.

Интересно было бы переиздать исторические работы Победоносцева, опубликовать его письма, которые лежат в федеральных архивах и Отделах рукописей Российской государственной библиотеки, или собрать вместе те, что ранее были опубликованы по разным изданиям.

Консерваторы-геополитики — это особая тема. Есть целый ряд ярких и забытых авторов, хотя их идеи и наблюдения до сих пор актуальны. Хорошо, что переиздали работы Алексея Едрихина-Вандама, но есть и другие. Забыт умнейший Сергей Сыроматников — путешественник, учёный, разведчик, публицист. Один его сборник "Опыты русской мысли" (1901 г.) — уже ценнейшая книга, но нынешние издатели не берутся. Может, их слово "русской" пугает? Не знаю. Юрий Карцов (Карцев) оставил интересные дипломатические воспоминания. Также не переизданы. Он с Леонтьевым был знаком с молодости, и философ хотел воспитать его так, чтобы Карцов мог "расстрелять суммарно карточке 6000 прогрессистов каких-нибудь во славу Божию", но, к счастью, Карцов ни в кого стрелять не стал, а выбрал дипломатическое поприще. Ухтомский у нас слабо известен. К слову, почти все эти консерваторы-геополитики были большими недоброжелателями Англии. Я с их трудами уже лет 15 стучусь в издательства. Не хотят переиздавать, говорят, что это ненужная архивка.

В целом же наследие русской консервативной мысли велико и открыто не только к изучению, но и к использованию для настоящего и будущего России.

"ЗАВТРА". Александр Витальевич, дорогой друг, вам недавно исполнилось 50 лет. Поздравляем с юбилеем! Бодрости духа, новых идей, проектов и книг! Многая лета! И спасибо за беседу.

Беседовал Андрей СМЕРНОВ

Главный редактор — Александр ПРОХАНОВ
Ответственный секретарь — Наталья КЕРИМОВА

Газета "ЗАВТРА" зарегистрирована Федеральной службой по надзору за соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия. Свидетельство ПИ № ФС 77-22122 от 24 октября 2005 года.
Учредитель и издатель — ООО "Редакция газеты-еженедельника "Завтра" (119146, г.Москва, Фрунзенская наб., 18, пом. VII).

Тел. редакции: (916) 502-49-86.

Адрес редакции: 119146, г. Москва, Фрунзенская наб., 18, пом. VII.

E-mail: zavtra@zavtra.ru Электронная версия: <http://zavtra.ru/>
Служба распространения: (499) 246-88-52 (т/ф). Служба рекламы: (903) 131-53-97.

Отпечатано в АО "Красная Звезда" (125284, г. Москва, Хорошевское шоссе, 38, тел.: (495) 941-32-09, (495) 941-34-72, (495) 941-31-62, <http://www.redstarprint.ru>, e-mail: kr_zvezda@mail.ru.

Тираж 18 500

Заказ № 1452-2023

Дата выхода в свет — 12.04.2023 г. Подписано в печать 11.04.2023 г. в 14.00, по графику — в 14.00